

БУКИН ЕГОР

ТЕКСТ В БОЛЬШОМ

ГОРОДЕ

16+

Егор Букин
Текст в большом городе
Серия «Вечная дорога», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67955417

SelfPub; 2022

Аннотация

Летние деньки, и никого вокруг. Главный герой всеми силами идёт к своей писательской мечте, сражаясь с одиночеством, бессмысленностью, однообразием. Радио и телевизор, блокнот и карандаш; компьютер и пустой лист "Word"; автобус; всепоглощающее одиночество и причудливые сны.

Егор Букин

Текст в большом городе

Я знаю – мое дерево не проживет и недели, Я знаю – мое дерево в этом городе обречено...

Кино, «Дерево»

Я очнулся, когда ночь уже дошла до своего пика и начала скатываться в предрассветный туман. Безумие, отрешенность от мира, бред, помешательство или, – как его принято называть, – вдохновение медленно покидало мой воспаленный мозг, отдавая бразды правления опустошению.

Я отошел от компьютера и подошел к зеркалу. Долго вглядывался в глубокие тени под глазами, пытаюсь ответить на неожиданно возникший вопрос: кто этот человек? После медленного, но непрерывного истекания кровью перед компьютером (которое другие люди или другие писатели называют простым сочинительством) перед глазами был только текст. Мозг, казалось, обратился в комок ваты и никак не мог принять, что вот эти чужие, немигающие глаза, эта легкая щетина, растущая черт знает как, эти жирные волосы принадлежат именно мне. Но спустя несколько минут облик человека в зеркале потеплел, ожил и снова стал таким знакомым, что даже и представить нельзя было, как это мимолетное чувство чуждости вообще могло возникнуть.

Я прошел на свою маленькую кухню. Сквозь окно проби-

вался желтый свет, лучи солнца пыльными снопами падали на стол. Я включил радио и полез в холодильник. Сквозь помехи слышалось:

И так идут за годом год, Так и жизнь пройдет. И в сотый раз маслом вниз Упадет бутерброд...

Я сел на стул и принялся медленно пережевывать соленые от копченой колбасы бутерброды, запивая их крепким черным чаем. Вовсе не потому, что хотел есть. А лишь потому, что так надо делать перед работой. Я уставился в одну точку и перестал воспринимать действительность. Исчезли звуки, запахи, чувства. Из-за недосыпа внутри меня образовалась пустота. Голова казалась стеклянной и вообще перестала соображать.

Я очнулся от забытья, только когда радио начало мучиться в агонии своей неисправности, выплевывая нескончаемые потоки помех и шипения. Оказалось, что я уже давно поел, совершенно не заметив, каким образом это произошло.

Я вышел на улицу. Голубое небо, легкие, как пух, облака, невероятный запах сотен цветов, еще прохладный утренний ветерок, щебетание пробуждающихся птиц, широкие янтарные полосы света на серых панельных домах... К чему все это? Это не имеет смысла. Внутри меня все по-прежнему какое-то мертвое или по крайней мере спящее.

Двигаясь по тротуару, я услышал отдаленные звуки гитары, голоса людей, гул машин. Но стоило обернуться – и казалось, что никого и ничего нет. Все это не имело никако-

го смысла. Единственное, что сейчас важно, – остановка и подъезжающий к ней с недовольными звуками пазик. Я с болью смотрел в заднее стекло на то, как за поворотом в летнем воздухе постепенно начинают расплываться очертания моего дома. А потом с болью смотрел вперед на то, как вдаль начинают вырисовываться очертания офиса, представляя его темные коридоры, голые стены моего кабинета, бессмысленный стук клавиатуры, тусклый экран компьютера.

Я сидел на потертом сиденье автобуса, слушая рычание мотора и глядя на ссутулившийся в темном беззвездном небе месяц, надеясь, что сегодня получится что-нибудь изменить. Все эти чертовы действия – душ, завтрак, работа, обед, опять работа, ужин, сон – уже не имеют никакого смысла. Это разве жизнь? Скорее какое-то существование. Эти вещи давно потеряли смысл. Я не могу больше так жить. Не могу больше жаловаться на это самому себе.

Автобус со скрипом остановился. Никого не видя и ничего не слыша, я поплелся домой. Это очень странное ощущение. Я не мог совладать с собой. Каждое действие – будь то поход в магазин или просиживание штанов на работе – вызывало во мне отвращение. Каждое живое существо – от муравья до успешного человека – возбуждало ненависть.

Я вошел в квартиру и с тяжелым вздохом опустился на диван, даже не раздевшись. Лишь дома и исключительно вечером мозг начинал не только гнобить меня проблемами и лишними переживаниями, но и активизировать отделы,

отвечающие за творчество. Появлялось страстное желание творить, делиться чувствами с единственным понимающим предметом – чистым листом; но почти каждый раз я разрывался между письмом и каким-нибудь другим делом. Всем существом хотел писать, но совершенно не знал о чем. В голове мелькало столько мыслей, что их невозможно было собрать и структурировать, невозможно записать. Наверное, я просто перегорел, когда в мое пламя желаний плеснули ведро уничтожительных, бескомпромиссных обстоятельств.

Он не знал, что с ним случилось, но все его тело трясло, а в груди при каждом вздохе вспыхивало пламя. Кровь как будто кипятком бежала по венам.

«Соберись, соберись, у тебя есть еще один шанс на уход из этого ада», – вторили мысли.

Но он не мог, он просто не мог собраться. Схватившись за пылающую болью грудь, он сидел у компьютера и задыхался от отчаяния. Как, как он мог собраться, если это лето уничтожило его мечту, растоптало его цель, к которой он шел с самого ноября?! Как он мог собраться, если это лето разможило ему голову?!

«У тебя есть еще один шанс», – блекло, само в это не веря, твердило сознание.

Шанс этот был мал и – более того – приводил совершенно к другому результату. И что же теперь делать?

Что теперь делать...

Я ехал в поезде. Тутух-тутух, тутух-тутух – стучали коле-

са. Я смотрел в окно на голубое зимнее небо, на бесконечные белые поля, на яркий глазок солнца, не отстающий от моего вагона. Вскоре я уже стоял на перроне и ждал автобус. Голова казалась такой легкой и чистой, будто все печали и заботы исчезли из нее, растворились в свежем зимнем воздухе. Сидя в автобусе, я улыбался – даже несмотря на то, что с меня ручьем лился пот. Из динамиков послышался неразборчивый шипящий голос. Я кинул взгляд в окно и понял, что это моя рабочая остановка. Но автобус не остановился. Напротив, он ускорился и пролетел нужное место почти мгновенно. «Бзз», – прожужжал телефон. С каждой секундой он все громче и громче оповещал о новых проблемах. Я посмотрел на экран, но он оказался совершенно размытым. Телефон тут же устремился в окно. Следом полетел пустой кошелек. Я поднялся и подошел к двери. Вдали я видел лишь ночь, высокую звезду и чистую ото всего дорогу.

Резкий стеклянный звон будильника заставил меня вскочить и сесть на кровати. Сердце испуганно колотилось в груди. Первое время я даже не понимал, что произошло.

– А, это всего лишь сон... – пробубнил я пересохшими губами.

Восход. За окном светлеет небо. Сонную тишину изредка прерывает щебетание птиц. Но у меня нет времени наслаждаться этим. Я смотрю на все это мельком, вскользь. Примерно так же я слышу обрывки людских разговоров и детский смех, когда иду по двору.

Эта работа бесцельна и мало кому нужна. Она отнимает много времени и – что самое главное – утомляет однообразием, просто душит им. Мне начало казаться, что еще чуть-чуть – и я разнесу компьютер ко всем чертям. Но... что же я тогда буду делать? И где возьму деньги на еду?

Пришел приказ задержаться из-за болезни моего коллеги. Интересно, а смогу ли я хоть когда-нибудь почувствовать себя полноценным, свободным человеком?

Я сидел в автобусе, устало прислонившись лбом к стеклу. Колени до боли упирались в переднее сиденье. За окном уже было совсем темно. Луна безразлично плыла по темному небосводу, поглядывая вниз сквозь разорванные облака. Местность то светлела, обнажаясь строениями, то незаметно и сразу темнела. Я почувствовал, как тяжелеют веки, как звуки уходят все дальше и дальше.

Мне снилось, что я стою в большом зале, среди сотен – если не тысяч – занятых кресел. Люди с неопределенными чертами лица всматриваются в сцену, где в круге белого света сидит человек с микрофоном в руках. Я не могу разобрать, что именно он говорит, но голос кажется таким знакомым... Когда человек умолкает, кто-то из зала задает вопрос – и начинается новая речь. Продвигаясь между рядов, я спешу к человеку на сцене. Поднявшись, оборачиваюсь и понимаю, что больше не нахожусь в зале – он исчез. Теперь я стою около массивного кресла в небольшой, но очень уютной комнатке. В кресле напротив сидит девушка, слева от нее уста-

новлена камера. Я бросаю взгляд на кресло, подле которого стою, и вижу человека со сцены. Осознаю, что этот человек – я. На маленьком круглом столике передо мной лежит книга с моим именем, а девушка напротив записывает мои ответы...

Автобус подскочил на кочке, и сон вылетел из меня.

Я сидел на балконе, глядя то в тетрадь, на свой кривой почерк, то по сторонам, наблюдая, как тихой поступью невидимых шагов уходит куда-то сегодняшней день. Нужно было остановиться и отдохнуть, перестать себя насиловать, но я не мог, так как чувства лились из меня пульсирующей струей, как кровь из артерии, потому что внутри меня жила огромная жажда самовыражения.

Он думал о том, как было тогда, холодной осенью: дожди, мутные потоки воды по улицам и постоянная темень. Но едва ли это беспокоило его. Все дни он просиживал дома с ней, пытаясь в объятьях спастись от холода и серости мира за окном. Ее голова лежала у него на плече, волосы слегка щекопали щеку. Он читал ей свои книги, а она в очередной раз удивлялась тому, как хорошо он пишет. Потом помогала ему с редактурой и исправлением ошибок, ведь она была учителем русского и литературы, а он – хоть и учился с ней – никогда им не был. Он даже не унывал из-за того, что нужно было четыре года мучиться в институте, ведь там была она.

А потом она читала ему свои стихи, преисполненные самых глубоких и чистых чувств. И пусть он не понимал большую часть метафор, зато знал самое главное: это стихи о

нем. И казалось, что в этом простом времяпрепровождении слилось все: нежность, забота, надежда и любовь...

Он проснулся и сел на кровати. Весь лоб покрывали капли холодного пота. Несколько минут на осознание... и отчаяние. Он крепко стиснул зубы и ударил по стене. Боль растеклась по костяшкам.

Иногда она снилась ему, и эти сны – самое мучительное, что было в его жизни, потому что все, что представлялось там, – картины мертворожденного счастья, того, что могло бы быть, но было уничтожено всего лишь одним словом «нет».

– Хорошо, я попозже посмотрю, – ответила аватарка в чате.

Но я прекрасно знал, что она ничего не посмотрит. Никто никогда ничего не смотрит.

– Ой, сейчас не могу, чуть позже прочитаю.

И каждый раз, каждый чертов раз одно и то же!

– Когда же ты уже напишешь отзыв? Ты же обещала.

– Скоро, просто еще не пришло время.

Они думают, что это всего лишь какой-то рассказ, всего лишь текст, за которым ничего нет, кроме выдумки, – они и подумать не могут, что привело к его написанию. Они и представить не могут, насколько сильно оскорбляют эти откладывания и какую ненависть они вызывают. Особенно когда эти откладывания без причины.

Доделав очередной бесполезный отчет, я перешел на сайт,

куда что-то выкладывал. С надеждой посмотрел на значок уведомлений, но ничего не увидел. Пустота. Я глянул на эти пестрые обложки с полуголыми девушками и странными названиями, под которыми бурлит поток комментариев. На меня напала тоскливая зависть, как у голодного, который увидел еду. Не понимаю, почему то, что ты выстрадал, то, над чем ты плакал, убиваясь воспоминаниями, никому не нужно. Открыл электронный ящик, покопался в его содержимом, но никаких ответов нет. Пустота повсюду. Никогда не понимал, почему так сложно ответить хотя бы словом «нет». Это ведь не займет много времени, верно? А это редакторское молчание... Оно сводит с ума. Вот она, судьба маленького текста в большом городе, который и так разрывается от миллионов страниц!.. Перешел в социальную сеть. Положительная рецензия. Еще одна. И еще... А имеют ли они хоть какой-то вес? В конце концов, я заплатил этим людям деньги. Разве могут они в таком случае написать что-то плохое? Ужаснее всего, что все эти вложения, в сущности, не окупаются. Как будто мои и без того малые деньги летят на ветер.

А перестать писать я не мог. Мне кажется ужасным прожить жизнь и никак не обозначить своего существования. Но люди обходят стороной все мои обозначения, обращая внимание на какие-то другие знаки, которые кажутся мне странными, глупыми и пустыми.

Я отодвинул ящик стола. Подкатилась полупустая бутылка виски. Я поднял взгляд. Фигура начальника ходила по-

близости. Когда он уйдет, подумал я, выпью столько, сколько захочу. Вернее столько, сколько там есть. Я устал, очень устал.

После очередного потрясения, принятого слишком близко к сердцу, он вдруг увидел мир таким, каков он есть на самом деле. Понял, что мир, увы, продолжит существовать и после его смерти, что мир существует вовсе не потому, что существует он.

Сейчас он шел по пустынный ночной аллее, осознавая свое полное одиночество. Не то одиночество, от которого хочется лезть в петлю, когда единственный лучик света послал тебя к черту, а после еще и ужасно разочаровал, но то ужасное одиночество, когда понимаешь, что ты потерял саму связь с миром, потерял смысл всех предметов и остался один на один с этим осознанием. Он смотрел на дома, притаившиеся в темных дворах, на пугающие ветки деревьев, на редкие машины, проезжавшие мимо, но все они как бы утратили свои качества. Все представления о вещах ушли прочь, как сон; теперь от них остался лишь бессмысленный, ничего не значащий облик. Схожее чувство можно испытать, если очень долго произносить какое-то слово, пока наконец оно не превратится в бессмысленный звук.

На мгновение он остановился, тряхнул головой и пристально уставился на свои руки. Но чем пристальнее вглядывался, тем более бессмысленными ему казались эти ладони и тонкие линии на них. В ужасе он присел на скамейку

и начал прокручивать свою жизнь, но ничего кроме страшной бессмыслицы в ней не обнаружил... В какой-то момент он, кажется, утратил даже ощущение своего тела. Как будто он больше не был человеком, а стал лишь бессмысленной тенью, двигавшейся в бессмысленном мире.

Я снова сидел за столом. Мучил компьютер, мучил клавиатуру, мучил себя. По-моему, все было впустую. Я писал, редактировал, а потом удалял написанное. Ужасно злило, что я не могу выразить то, что творится внутри меня; еще более бесило, что не находится человек, который указал бы на ошибки или, напротив, похвалил бы. Повсюду страшная пустота и одиночество... Я закрыл чертов Word и вышел на балкон. Закурил и уставился в ночь.

Эмоции в очередной раз затуманили ему глаза. В порыве он стер все, что писал столько лет. Стихи, рассказы, пьесы, даже небольшие сценарии для короткометражек, которые он хотел снять сам, – все отправилось в корзину компьютера. Нет более поганого чувства, чем осознание того, что все работы, казавшиеся значительными, на самом деле ничего не стоят. Когда на деле оказывается, что все потребляют исключительно развлекательный бред, за которым нет ровным счетом ничего.

Наступил вечер. Воздух дрожал от противного стрекотания цикад. Он лег на траву и уставился в вечернее небо: градиент из светло-персикового переходил в глубокий янтарный.

Каждый день, полный праздности и мелкой суеты, при-
туплял его тягу к работе, так что в конце концов он оста-
вил мысли о писательстве. А однажды и вовсе перестал ощу-
щать себя писателем. Сначала он не обратил внимания на
это. Но потом, в совокупности с молчанием отовсюду, куда
он ни присылал работы, чувство горечи начало душить его.
Теперь каждый новый день острым жалом впивался в тело,
напоминая об утраченном смысле. Что теперь от него оста-
лось? Он не смог ответить на этот вопрос и закрыл лицо ру-
ками.

За короткую жизнь он уже пережил достаточно событий,
вытерпел множество чувств, многое прочитал. Столько все-
го было, о чем хотелось написать... Мозг по-прежнему в са-
мый неожиданный момент присылал идею или воспомина-
ние, за которые нужно было цепляться и не отпускать до са-
мого конца, пока возникшие в сознании образы не будут раз-
биты на тысячи букв... Но он не цеплялся за них. Он обязан
был написать о чем-то еще, но теперь уже не напишет. Толку
от этого все равно нет.

Какой сейчас день, месяц, год? Сколько мне лет? Все дни
постепенно сливаются в один, и я не вижу разницы между
ними.

Завтрак.

– Хм, кажется, эта одинаковая еда за годы употребления
стала безвкусной.

Я не придавал этому значения и запихнул остатки в рот. По-

том посмотрел на часы и пошел на выход.

Не успеваю я следить, Как пролетает год за годом, А жизнь уже не пережить...

Остановка. Гул машин с неопределенной стороны, щебетание птиц, солнце. А вот и мой автобус.

Пустота по кругу. По кругу...

Он сидел на крыше дома, свесив ноги вниз. Да, он всегда писал только о том, что его тревожило. Но все эти тексты оказались никому не нужными в этом большом жестоком городе. Все эти раскопки в руинах воспоминаний и несбывшихся надежд прошли стороной, никто их не заметил... И теперь он как никогда понял, что еще совсем немного – и страшная бессмыслица повалит его на асфальт, отпинает, выпустит кишки и сожрет своей волчьей пастью.

Он поднялся, достал телефон и замер в ожидании....

В какой-то момент я наконец перестал беречь раны и в приступе последней надежды решил зайти на сайт. «Новый комментарий к произведению». Я равнодушно хмыкнул и нажал на уведомление. Открылась большая рецензия. Странно, я никогда не писал комментарии к рассказам этого человека и не платил ему за рецензии...кто же это?

Сейчас он сидел на крыше дома, уставившись вперед, на огни ночного города. словно море во время шторма, бушевали чувства, то погружая его в отчаяние, то накрывая тупой уверенностью в том, что все получится.

Удивительно, как всего несколько слов могут изменить

жизнь. Вновь воскресли чувства, с которыми он начинал писать, вновь появилось это прекрасное желание творить.

Я сидел и делал очередной отчет. Но что-то поменялось, верно? Да, я улыбался. Не потому, что люблю эту работу и это место. А потому, что мне осталось недолго.

«Я думаю, ты просто устал. Устал от меня, от работы, учебы», – всплыли в голове слова давно чужого человека, сидевшего за соседним столом.

Верно, я устал. Но теперь во мне есть силы изменить что-то. Теперь я наконец смогу сбежать отсюда. Куда? Пока не знаю. Но это место точно будет лучше, даже если на первых этапах будет сложно адаптироваться. Оно точно будет лучше.

«Нам очень жаль, что вы от нас уходите», – проскрипела по телефону тетка с вечно недовольным лицом.

Ему не было жаль. Совершенно не было. Да, он потерял здесь целый год жизни. И среди плохого наверняка было что-то хорошее. Например, она... Но он уже всем существом чувствовал, что его больше нет в этом месте, что он исчез из него той осенью, когда последняя ниточка надежды, удерживавшая его, оборвалась.

Увы, обстоятельства снова сложились так, что способ, на который он рассчитывал, провалился, однако был еще один, уже не казавшийся таким ужасным. Влиться в сложившийся коллектив... Он не умел всего этого, но знал, что должен. Получится ли? Должно получиться.

– А ты уверен, что там будет лучше? – прозвучал голос из воспоминаний.

Он был уверен. Без каких-либо причин. Просто уверен. По крайней мере, так ему казалось.

И пусть он не достигнет ничего, пусть его расчеты окажутся неверны, он все равно пойдет. Пойдет, потому что так хочет.

Солнце заливало светом всю кухню. Где-то за окном насмешливо каркала ворона, видя, как я порезал палец. Гудел холодильник. Я закурил, присев на подоконник и уставившись на серый дом напротив. Накатило странное чувство, которое испытываешь в тот момент, когда книга, полная чувств и переживаний, дописана. Когда понимаешь, что та идея, которую вынашивал в голове на протяжении месяца или шести месяцев и из которой постоянно вырастали все новые и новые мысли, наконец записана в достаточной степени полно. Когда больше нет тех дум, из-за которых неудобно спать. Когда постоянные записи и их обдумывание кончились.

Докурив, я с легкой улыбкой отправился спать. Сегодня долгожданный выходной.

Во сне я видел золотую лестницу, возвышавшуюся до самых небес. Вокруг были десятки – если не сотни – таких же лестниц, но все они были короткими и как будто уже посещенными мной. Я посмотрел на светлое небо, щурясь от солнца, и, улыбнувшись, поставил ногу на первую ступеньку.

Как только я начал писать, что-то во мне изменилось. Да, я все так же хожу на работу, все так же слушаю этих людей, от которых меня воротит и среди которых я лишний, но теперь я верю, что творчество – способ вернуться к настоящей жизни. Я мало-помалу начинаю обретать свободу, начинаю верить в то, что совсем скоро исчезнет эта бесполезная суета и останется лишь творчество, которым я смогу жить. Совсем скоро жизнь начнется с чистого листа. По крайней мере, мне так кажется.

Но я все свое время провожу рядом с ним, Мне все другие дела надоели. Мне кажется, что это мой дом. Мне кажется, что это мой друг...

Пришел приказ задержаться из-за болезни моего коллеги. Интересно, а смогу ли я хоть когда-нибудь почувствовать себя полноценным, свободным человеком?

Я сидел в автобусе, устало прислонившись лбом к стеклу. Колени до боли упирались в переднее сиденье. За окном уже было совсем темно. Луна безразлично плыла по темному небосводу, проходя через разорванные облака. Местность то светлела, обнажаясь строениями, то незаметно и сразу темнела. Я почувствовал, как тяжелеют веки, как звуки становятся все дальше и дальше.

Мне снилось, что я стою в большом зале, среди сотен – если не тысяч – занятых кресел. Все люди с неопределенными чертами лица всматриваются на сцену, где в круге белого

света сидит человек с микрофоном в руках. Я не мог разобраться, что именно он говорил, но голос его казался таким знакомым... Когда он прекращал говорить, кто-то из зала задавал ему вопрос, и он начинал новую речь. Продвигаясь между рядов, я спешил навстречу этому человеку. Поднявшись на сцену, я обернулся и понял, что больше не находился в зале. Вместо этого я стоял около массивного кресла в небольшой, но очень уютной комнатке. В кресле напротив сидела девушка; слева от нее стояла камера. Я перевел взгляд на кресло, подле которого стоял, и увидел того же человека со сцены. Но теперь осознал, что этот человек – я. Видел, что на маленьком круглом столике передо мной лежит книга с моим именем, видел, что девушка напротив записывает мои ответы.

Автобус подскочил на кочке и сон вылетел из меня.

Я сидел на балконе, смотря то в тетрадь, на свой кривой почерк, то по сторонам, наблюдая, как тихой поступью невидимых шагов уходит куда-то сегодняшний день. Нужно было остановиться и отдохнуть, перестать себя насиловать, но я не мог, так как чувства лились из меня пульсирующей струей, как кровь из артерии, потому что внутри меня была огромная жажда самовыражения.

Он думал о том, как было тогда, холодной осенью – дожди, мутные потоки воды по улицам и постоянная темень.

Но едва ли это беспокоило его. Все дни он просиживал дома с ней, пытаясь в объятых спастись от холода и серости мира за окном. Ее голова лежала у него на плече, волосы слегка щекотали щеку. Он читал ей свои книги, а она в очередной раз удивлялась тому, как хорошо он пишет. Потом она помогала ему с редактурой и исправлением ошибок, ведь она была учителем русского и литературы, а он – хоть и учился с ней – никогда им не был. Он даже не унывал из-за того, что нужно было четыре года мучиться в этом институте, ведь там была она.

А потом она читала ему свои стихи, преисполненные самых глубоких и чистых чувств. И пусть он не понимал большую часть метафор, он знал самое главное: она читала стихи о нем. И, казалось, что в этом простом времяпрепровождении слилось все: нежность, забота, надежда и любовь...

Он проснулся и сел на кровати. Весь лоб покрывали капли холодного пота. Несколько минут на осознание... и отчаяние. Он крепко стиснул зубы и ударил по стене. Боль растеклась по костяшкам.

Иногда она снилась ему, и эти сны – самое мучительное что было в его жизни, потому что все, что представлялось там – картины мертворожденного счастья, того, что могло бы быть, но было уничтожено всего лишь одним словом «нет».

– Хорошо, я попозже посмотрю, – ответила аватарка в чате.

Но я прекрасно знал, что она ничего не посмотрит. Никто никогда ничего не смотрит.

– Ой, сейчас не могу, чуть позже прочитаю.

И каждый раз, каждый чертов раз одно и то же!

– Когда же ты уже напишешь отзыв? Ты же обещала.

– Скоро, просто еще не пришло время.

Они думают, что это всего лишь какой-то рассказ, всего лишь текст, за которым ничего нет, кроме выдумки – они и подумать не могут, *что* привело к его написанию. Они и представить не могут, насколько сильно меня оскорбляют эти откладывания и какую ненависть они вызывают. Особенно, когда эти откладывания без причины.

Доделав очередной бесполезный отчет, я перешел на сайт, куда что-то выкладывал. С надеждой посмотрел на значок уведомлений, но ничего не увидел. Пустота. Я глянул на эти пестрые обложки с полуголыми девушками и странными названиями, под которыми бурлит поток комментариев. На меня напала тоскливая зависть, как у голодного, который увидел еду. Не понимаю, почему то, что ты выстрадал, то, над чем ты плакал, убиваясь воспоминаниями, никому не нужно. Открыл электронный ящик, покопался в его содержимом, но никаких ответов нет. Пустота повсюду. Никогда не понимал, почему так сложно ответить хотя бы словом «нет». Это ведь не займет много времени, верно? А это редакторское молча-

ние... оно сводит меня с ума. Вот она, судьба маленького текста в большом городе, который и так разрывается от миллионов страниц!.. Перешел в социальную сеть. Положительная рецензия. Еще одна. И еще... А имеют ли они хоть какой-то вес? В конце концов я заплатил этим людям деньги. Разве могут они в таком случае написать что-то плохое? Ужаснее всего, что все эти вложения в сущности не окупаются. Как будто мои и без того малые деньги летят на ветер.

А перестать этим заниматься я не мог. Мне кажется очень ужасным прожить жизнь и никак не обозначить своего существования. Но люди обходят стороной все мои обозначения, обращая внимание на какие-то другие знаки, которые кажутся мне странными, глупыми и пустыми.

Я отодвинул ящик стола. Подкатилась полупустая бутылка виски. Я поднял взгляд. Фигура начальника ходила поблизости. Когда он уйдет, подумал я, выпью столько, сколько захочу. Вернее столько, сколько там есть. Я устал, очень устал.

После очередного потрясения, принятого слишком близко к сердцу, он вдруг увидел мир таким, каков он есть на самом деле. В один момент он осознал, что мир, увы, продолжит существовать и после его смерти, что мир существует вовсе не потому, что существует он.

Сейчас он шел по пустынный ночной аллее и в одночасье осознал полное одиночество. Не то одиночество, от кото-

рого хочется лезть в петлю, когда единственный лучик света послал тебя к черту, а после еще и ужасно разочаровал, но то ужасное одиночество, когда понимаешь, что ты потерял саму связь с миром, потерял смысл всех предметов и остался один на один с этим осознанием. Он смотрел на дома, притаившиеся в темных дворах, на пугающие ветки деревьев, на редкие машины, проезжавшие мимо, но все они как бы утратили свои качества. Все представления о вещах ушли прочь как сон; теперь от них остался лишь бессмысленный, ничего не значащий облик. Схожее чувство можно испытать, если очень долго произносить какое-то слово, пока наконец оно не превратится в бессмысленный звук.

На мгновение он остановился, тряхнул головой и пристально уставился на свои руки. Но чем пристальнее вглядывался, тем более бессмысленными ему казались эти ладони и тонкие линии на них. В ужасе он присел на скамейку и начал прокручивать свою жизнь, но ничего кроме страшной бессмыслицы в ней не обнаружил... В какой-то момент он, кажется, утратил даже ощущение своего тела. Как будто он больше не был человеком, а был лишь бессмысленной тенью, двигавшейся в бессмысленном мире.

Я снова сидел за столом. Мучил компьютер, мучил клавиатуру, мучил себя. По-моему все было впустую. Я писал, редактировал, а потом и вовсе удалял абсолютно все. Меня ужасно бесило, что я не могу выразить то, что творится

внутри меня; еще более бесило, что не находится человек, который указал бы на ошибки или напротив похвалил бы. Повсюду страшная пустота и одиночество, от которого я закрыл этот чертов «Word» и вышел на балкон. Я закурил и уставился в ночь.

Эмоции в очередной раз затуманили ему глаза. В порыве он стер все, что делал столько лет. Стихи, рассказы, пьесы, даже небольшие сценарии для короткометражек, которые он хотел снять сам – все отправилось в корзину компьютера. Нет более поганого чувства, чем осознание того, что все работы, казавшиеся тебя значительными, на самом деле ничего не стоят. Когда на деле оказывается, что все потребляют исключительно развлекательный бред, за которым нет ровным счетом ничего.

Наступил вечер. Воздух дрожал от противного стрекотания цикад. Он лег на траву и уставился в вечернее небо: градиент из светло-персикового переходил в глубокий янтарный.

Каждый день, полный праздности и мелкой суеты приглулял его тягу к работе, так что в конце концов он и не думал о писательстве. В один момент он и вовсе перестал ощущать себя писателем. Сначала он не обратил внимание на это. Но потом, в совокупности с молчанием ото всюду, куда он ни присылал работы, это чувство начало душиить его. Теперь каждый новый день острым жалом впи-

вался в тело, напоминая об утраченном смысле. Что теперь от него осталось? Он не смог ответить на этот вопрос и закрыл лицо руками.

За короткую жизнь он уже пережил достаточно событий, вытерпел множество чувств, многое прочитал. Столько всего было, о чем ему хотелось написать... Мозг по-прежнему в самый неожиданный момент присылал ему идею или воспоминание, за которые нужно было цепляться и не отпускать до самого конца, пока они ни будут разбиты на тысячи букв, но он не цеплялся за них. Он обязан был написать о чем-то еще, но теперь уже не напишет. Толку от этого все равно нет.

Какой сейчас день, месяц, год? Сколько мне лет? Все дни постепенно сливаются в один и я не вижу разницы между ними.

Завтрак.

– Хм, кажется, эта одинаковая еда за годы употребления стала безвкусной.

Я не придавал этому значения и запихнул остатки в рот. Потом посмотрел на часы и пошел на выход.

Не успеваю я следить,

Как пролетает год за годом,

А жизнь уже не пережить...

Остановка. Гул машин с неопределенной стороны, щебетание птиц, солнце. А вот и мой автобус.

Пустота по кругу. По кругу...

Он сидел на крыше дома, свесив ноги вниз. Да, он всегда писал только о том, что его тревожило. Но все эти тексты оказались никому ненужными в этом большом жестоком городе. Все эти раскопки в руинах воспоминаний и несбывшихся надежд прошли стороной, никто их не заметил... И теперь он как никогда понял, что еще совсем немного и страшная бессмыслица повалит его на асфальт, отпинает, выпустит кишки и сожрет своей волчьей пастью.

Он поднялся, достал телефон и замер в ожидании....

В какой-то момент я наконец перестал беречь раны и в приступе последней надежды решил зайти на сайт. «Новый комментарий к произведению». Я равнодушно хмыкнул и нажал на уведомление. Открылась большая рецензия. Странно, я никогда не писал комментарии к рассказам этого человека и не платил ему за рецензии...кто же это?

Сейчас он сидел на крыше дома, уставившись вперед, на огни ночного города. Словно море во время шторма бушевали чувства, то погружая его в отчаяние, то накрывая тупой уверенностью в том, что все получится.

Удивительно, как всего несколько слов могут изменить жизнь. Вновь воскресли те чувства, с которыми он начинал писать, вновь появилось это прекрасное желание творить.

Я сидел и делал очередной отчет. Но что-то поменялось, верно? Да, я улыбался. Не потому, что люблю эту работу и это место. А потому, что мне осталось недолго.

«Я думаю, ты просто устал. Устал от меня, от работы, учебы», – всплыли в голове слова давно чужого человека, сидевшего за соседним столом. Увы, я слишком часто ее вспоминаю.

Верно, я устал. Но теперь во мне есть силы изменить что-то. Теперь я наконец смогу сбежать отсюда. Куда? Пока не знаю. Но это место точно будет лучше, даже если на первых этапах будет сложно адаптироваться. Оно точно будет лучше.

«Нам очень жаль, что вы от нас уходите», – сказала тетка с вечно недовольным лицом по телефону.

Ему не было жаль. Совершенно не было. Да, он потерял целый год жизни в этом месте. И среди плохого наверняка было что-то хорошее. Например, она... Но он уже всем существом чувствовал, что его больше нет в этом месте, что он исчез из него той осенью, когда последняя ниточка надежды, удерживавшая его, оборвалась.

Увы, обстоятельства снова сложились так, что тот

способ на который он рассчитывал, провалился, однако был еще один, уже не казавшийся таким ужасным. Вливание в готовый коллектив... Он не умел всего этого, но знал, что должен сделать это. Получится ли? Должно получиться.

– А ты уверен, что там будет лучше? – прозвучал голос из воспоминаний.

И он был уверен. Без каких-либо причин. Просто уверен. По крайней мере так ему казалось.

И пусть он не достигнет ничего, пусть его расчеты окажутся неверными, он все равно шел. Шел, потому что так хотел.

Солнце заливало светом всю кухню. Где-то за окном насмешливо каркала ворона, видя, как я порезал палец. Гудел холодильник. Я закурил, присев на подоконник и уставившись на серый дом напротив. Накатило то странное чувство, которое испытываешь в тот момент, когда книга, полная чувств и переживаний, дописана. Когда понимаешь, что та идея, которую вынашивал в голове на протяжении месяца или шести месяцев и из которой постоянно вырастали все новые и новые мысли, наконец записана в достаточной степени полно. Когда наконец больше нет тех дум, из-за которых неудобно спать. Когда постоянные записи и их обдумывание наконец кончились.

Докурив, я с легкой улыбкой отправился спать. Сегодня долгожданный выходной.

Во сне я видел золотую лестницу, возвышавшуюся до самых небес. Вокруг были десятки – если не сотни – таких же лестниц, но все они были короткими и как будто уже посещенными мной. Я смотрел на светлое небо, щурясь от солнца и, улыбнувшись, поставил ногу на первую ступеньку.

Как только я начал писать, что-то во мне изменилось. Да, я все так же хожу на работу, все так же слушаю этих людей, от которых меня воротит и среди которых я лишний, но теперь я верю, что творчество – способ вернуться к настоящей жизни. Я мало-помалу начинаю обретать свободу, начинаю верить в то, что совсем скоро исчезнет эта бесполезная работа и будет лишь творчество, которым я смогу жить. Совсем скоро жизнь начнется с чистого листа. По крайней мере мне так кажется.

Но я все свое время провожу рядом с ним,

Мне все другие дела надоели.

Мне кажется, что это мой дом.

Мне кажется, что это мой друг...

Об авторе

Стихи, мысли, чувства в группе ВК – https://vk.com/lit_podpolye